ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ

по разсказамъ Василія Александровича Сухово-Кобылина.

Очень немногія личности возбудили столько толковъ какъ графъ Аракчеевъ. Вотъ разсказы о немъ его современника, который уполномочилъ меня огласить ихъ въ печати.

Графъ Аракчеевъ оставилъ по себѣ ненавистную память, но по свидѣтельству Сухово-Кобылина потомство оказалось слишкомъ строго въ своемъ приговорѣ. „Неоспорно", говоритъ онъ, „что Аракчеева было бы странно назвать человѣкомъ добрымъ; неоспорно и то, что онъ былъ неумолимъ къ инымъ проступкамъ, какъ, напримѣръ, къ взяточничеству или нерадѣнію по службѣ. Тому кто пробовалъ его обмануть (а обмануть его было трудно, почти невозможно), онъ никогда не прощалъ; мало того: онъ вѣчно преслѣдовалъ виновнаго, но и оказывалъ снисхожденіе къ ошибкамъ, въ которыхъ ему признавались откровенно, и былъ человѣкомъ безукоризненно-справедливымъ: въ безполезной жестокости его никто не въ правѣ упрекнуть. Правда и то, что онъ оказался безпощаднымъ, когда производилъ слѣдствіе послѣ убіенія Настасьи; но мудрено судить человѣка, когда онъ находится въ ненормальномъ состояніи. Къ этой женщинѣ онъ былъ сильно привязанъ, и ея смерть взволновала всѣ страсти его крутой природы".

В. А. Сухово-Кобылинъ *) былъ записанъ 19-ти лѣтъ въ гвардейскій артиллерійскій баталіонъ, въ чинѣ подпоручика, и пожелалъ въ 1803 году поступить въ полевую артиллерію, куда и былъ переведенъ штабсъ-капитаномъ и получилъ приказаніе ѣхать немедленно въ Москву, чтобъ поступить въ 8-ый артиллерійскій полкъ, гдѣ назначенъ былъ командиромъ роты. Отецъ его, прощаясь съ нимъ, приказалъ ему заѣхать въ Грузино, чтобъ представиться Аракчееву, инспектору артиллеріи.

Тогда ему пришлось въ первый разъ видѣть Александровскаго любимца. Аракчеевъ былъ высокъ и худощавъ. Онъ остался вѣренъ Павловскимъ модамъ, носилъ камзолъ стараго покроя, и волосы его были подо-

---

*) Родной племянникъ того князя Яшвили, который участвовалъ въ событіи 11 Марта 1801 года. Яшвили—Грузины; отъ этого южный блескъ въ глазахъ дочери Василія Александровича Сухово-Кобылина, графини Е. В. Сальясъ-де-Турнемиръ и ея брата. П. Б.

браны въ небольшой пучокъ на затылкѣ. Холодный, проницательный его взглядъ и строгое выраженіе лица не смягчались сардонической улыбкой, которая появлялась часто у него на губахъ. Онъ говорилъ медленно, немного въ носъ, и казался постоянно озабоченъ.

23-хъ-лѣтній А. В. Сухово-Кобылинъ испыталъ понятную робость въ присутствіи человѣка, о которомъ всѣ привыкли думать съ невольнымъ чувствомъ страха; но Аракчеевъ поразилъ его изысканной учтивостью и привѣтливостью, съ которой встрѣчалъ обыкновенно своихъ посѣтителей.

„Надѣюсь, что вы здѣсь отдохнете, сказалъ онъ; взгляните на Грузино; не стѣсняйтесь ни въ чемъ, требуйте все, что̀ вамъ вздумается. Васъ сейчасъ отведутъ въ вашу комнату“.

Сухово-Кобылинъ раскланялся, обрадованный, что бесѣда такъ скоро кончилась, и послѣдовалъ за оффиціантомъ, который провелъ его длиннымъ рядомъ великолѣпныхъ комнатъ, походящихъ на музей: тутъ были статуи, картины, разныя изваянія, серебряные и золотые кубки и вазы, словомъ, всѣ прихоти роскоши; но Богъ знаетъ, на сколько удовлетворили бы они тонкому чутью художника.

Оффиціантъ привелъ гостя въ назначенную для него комнату и спросилъ, не будетъ ли какихъ приказаній и гдѣ угодно кушать, въ общей залѣ или у себя и прибавилъ: „Какъ кому угодно; господъ посѣтителей немало“ [1]).

Нашъ путешественникъ отвѣчалъ, что будетъ обѣдать въ своей комнатѣ. Въ эту минуту раздался въ коридорѣ женскій голосъ: „Кто это тамъ?“ спросилъ Сухово-Кобылинъ.

„Настасья Өедоровна“, отвѣчалъ оффиціантъ, предполагая, совершенно основательно, что всѣ знаютъ, кто такое Настасья Өедоровна.

Молодому человѣку захотѣлось на нее взглянуть. Онъ быстро отворилъ двери и встрѣтился съ ней лицомъ къ лицу. Глаза ея горѣли какъ угли, но смуглыя черты рано утратили свою красоту. На ней было шелковое платье и жемчужное ожерелье, чепецъ прикрывалъ ея черные съ просѣдью волосы.

Она привѣтствовала незнакомца легкимъ наклоненіемъ головы.

„Милости просимъ, батюшка“, сказала она свободнымъ тономъ хозяйки дома. „Что̀ будетъ угодно, прикажите. Все ли въ порядкѣ въ вашей комнатѣ?“

Онъ поблагодарилъ, а она пошла дальше, отдавая приказанія слѣдовавшей за ней прислугѣ.

Настасья жила въ отдѣльномъ домѣ, и многіе изъ посѣтителей Грузина вмѣняли себѣ долгомъ являться къ ней съ изъявленіемъ почтенія [2]).

Разсказывали, что она мучила Аракчеева своей ревностью, и что жутко приходилось отъ нея молодымъ ея прислужницамъ. Разъ, одна изъ нихъ

---

[1]) Въ каждой комнатѣ висѣлъ на стѣнѣ подъ стекломъ чертежъ расположенія мебели, и если гостю случалось передвинуть что либо для своего удобства, то за общимъ столомъ его обносили блюдомъ. П. Б.

[2]) Въ Грузинѣ, императоръ Александръ Павловичъ, подходя къ домохозяйкѣ, цѣловалъ у нея руку. П. Б.

припекая ей волосы, обожгла ее въ високъ. Настасья вырвала у нея изъ рукъ горячіе щипцы и ухватила ими губу бѣдной дѣвушки. Но эти подробности Сухово-Кобылинъ узналъ не въ Грузинѣ. Тамъ, какъ въ заколдованномъ за̀мкѣ, всѣ молчали о его сіятельствѣ и о Настасьѣ Ѳедоровнѣ, или произносили ихъ имена не иначе какъ съ благоговѣніемъ. Не было никакой возможности узнать отъ приближенныхъ хозяина дома, или отъ безчисленной его прислуги, малѣйшую о немъ подробность. Сухово-Кобылинъ былъ долго зна̀комъ съ однимъ адъютантомъ графа Аракчеевъ и никогда не слыхалъ отъ него ни слова о знаменитомъ временщикѣ, который требовалъ прежде всего отъ окружавшихъ его лицъ совершеннаго на его счетъ безмолвія.

За то хозяинъ зналъ все что̀ относилось къ людямъ у него служившимъ и даже къ простымъ его знакомымъ. Грўзино походило на дворецъ и принимало своихъ посѣтителей съ царской роскошью и гостепріимствомъ; но каждый изъ нихъ долженъ былъ мириться съ мыслью, что ловкіе графскіе шпіоны вывѣда̀ютъ о немъ все возможное.

Аракчеевъ былъ дѣятельности неутомимой. Даже во время похода, лишь только армія занимала дневныя квартиры, его канцелярію разбирали, и всѣ садились немедленно за дѣло. Отъ его зоркаго глаза не ускользали самыя мелочныя подробности ввѣреннаго ему министерства. На лѣто онъ ѣздилъ для отдыха въ Грўзино и врядъ ли въ продолженіе цѣлаго дня удѣлялъ на отдыхъ болѣе двухъ-трехъ часовъ. Онъ вставалъ очень рано и принимался за бумаги. Нѣсколько чиновниковъ, адъютантовъ и фельдъегерей являлось къ нему ежедневно съ рапортами изъ разныхъ мѣстъ. Посѣтители не переводились въ Грузинѣ. Иные являлись для того только, чтобъ полюбоваться его великолѣпіемъ и могли тутъ оставаться сколько душѣ угодно; другіе, знакомые съ графомъ хоть на столько, чтобъ имѣть право обмѣниться съ нимъ, при встрѣчѣ, поклономъ, выжидали назначеннаго часа, чтобъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе и поблагодарить его, при отъѣздѣ, за гостепріимство. Тѣ, наконецъ, которыхъ онъ зналъ короче собирались къ нему въ свободные его часы, и обѣдали съ нимъ по его приглашенію. Врядъ ли кто завидовалъ имъ *). Несмотря на пышность Грўзина и на полную свободу предоставленную его посѣтителямъ, казалось, что въ самомъ воздухѣ присутствуетъ какой-то стѣснительный элементъ, и становилось особенно неловко при мысли о возможности встрѣтиться съ владѣльцемъ этого волшебнаго дворца. Ничто не нарушало заведеннаго разъ навсегда машиннаго порядка. Часы обѣда, чая и ужина были неизмѣнны. На дорогѣ и даже по деревенскимъ богатымъ улицамъ Аракчеевскихъ селъ крестьяне заметали слѣды оставленные колесами каждаго проѣзжаго экипажа. Но посѣтители были

*) Покойная княгиня Е. А. Долгорукая, еще отроковицею, гащивала въ Грўзинѣ съ отцомъ своимъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Малиновскимъ и была тамъ отмѣнно ласкаема. Она передавала намъ, что, за обѣдомъ у Аракчеева, каждаго блюда клали сначала на тарелку для комнатной собачки, и тогда только обносили его обѣдавшимъ, когда собачка поѣстъ. П. Б.

вольны распоряжаться временемъ какъ желали. Молодежь отправлялась, кто на прогулку верхомъ, кто на охоту, кто на катанье по Волхову, гдѣ красовался богато-убранный катеръ присланный Аракчееву императоромъ Александромъ. Иные гуляли въ великолѣпныхъ садахъ, осматривали красивыя окрестности, богатство самаго дома или соборъ, въ которомъ Грузинскій владѣлецъ приготовилъ себѣ заранѣе могилу у подножія изображенія перваго своего царственнаго покровителя, императора Павла.

Современники Аракчеева разсказывали, что своему сближенію съ Павломъ онъ былъ обязанъ слѣдующему обстоятельству. Павелъ, бывъ еще наслѣдникомъ, обратился къ одному изъ Екатерининскихъ фаворитовъ съ просьбой доставить ему нѣсколько пушекъ въ Гатчину. Съ этими пушками былъ присланъ къ великому князю неизвѣстный артиллерійскій офицеръ Алексѣй Аракчеевъ, который и полюбился будущему императору. Не задолго передъ тѣмъ толковали въ Петербургскомъ обществѣ о покушеніи въ артиллерійскомъ Кадетскомъ корпусѣ на жизнь преподавателя математическихъ наукъ, Аракчеева. Избалованные нерадѣніемъ своихъ наставниковъ, не привыкшіе къ серьезнымъ занятіямъ, кадеты ненавидѣли этого человѣка, который первый потребовалъ отъ нихъ добросовѣстнаго труда и оказывался немилосерднымъ къ лѣни и праздности. Они рѣшились избавиться отъ него во что бы ни стало. Всѣ средства казались имъ законными, и убійство ихъ не пугало. Классная комната была на верху, и къ ней вела довольно узкая лѣстница, которая примыкала къ площадкѣ обнесенной рѣшеткой. Ученики придумали бросить съ высоты площадки тяжелый камень на голову Аракчееву въ ту минуту какъ неумолимый педагогъ встанетъ на лѣстницу. Насталъ роковой часъ. Собравшіеся въ кучку заговорщики ожидали на неосвященной площадкѣ появленія жертвы. Вотъ показался Аракчеевъ. Онъ перешагнулъ пять-шесть ступеней, и камень упалъ съ громомъ на лѣстницу. Все было вѣрно разсчитено, но въ ту минуту какъ онъ отдѣлялся отъ площадки, Аракчеевъ сдѣлалъ шагъ назадъ, чтобъ поднять платокъ, который уронилъ вынимая изъ кармана, и остался невредимъ.

Сухово-Кобылинъ, пробывши три дня въ Грузинѣ, пожелалъ передъ отъѣздомъ проститься съ графомъ, который принялъ его съ своей обычной любезностью и прочелъ ему короткое наставленіе о его новыхъ обязанностяхъ. Молодой человѣкъ отвѣчалъ обѣщаніемъ исполнять ихъ добросовѣстно *) и сѣлъ въ свою дорожную коляску, которая была вычищена и приведена въ блестящее состояніе немало его удивившее; но ему объяснили, что Грузинскіе слесаря и работники обязаны заботиться объ экипажахъ пріѣзжихъ.

Добравшись до Москвы, онъ принялъ команду надъ своей ротой и съ этой минуты имѣлъ случай видѣть иногда Аракчеева съ его подчиненными и слѣдить за возраставшимъ порядкомъ, введеннымъ имъ въ Русскую армію.

---

*) Подъ Аустерлицемъ А. В. Сухово-Кобылинъ получилъ рану въ глазъ. За то другимъ глазомъ онъ былъ зорокъ и въ глубокой старости проводилъ цѣлые часы за чтеніемъ. П. Б.

„Когда я былъ записанъ на службу“, говорилъ Сухово-Кобылинъ, „воровство и безурядица были доведены въ нашемъ войскѣ до невѣроятныхъ границъ: начальники брали деньги съ солдатъ, чтобъ распускать ихъ по селамъ. Въ запасныхъ магазинахъ принимались счетомъ кули съ мукой, и оказывалось зачастую, что часть кулей наполнена пескомъ“. Разъ, во время первой компаніи противъ Французовъ, Сухову-Кобылину и его сослуживцамъ слѣдовало получить муку для своихъ ротъ. Сдѣлалось извѣстнымъ, что въ запасахъ лежатъ кули съ пескомъ и числится въ отчетахъ много провіанта, котораго не оказывается въ магазинахъ. Провіантскій комиссіонеръ, понимая, что будетъ обличенъ, зажегъ магазинъ. Былъ отданъ подъ судъ командиръ роты конной артиллеріи. Онъ стоялъ въ Крыму и, разсчитывая, вѣроятно, на отдаленіе отъ центра дѣятельности Аракчеева, позволялъ себѣ разныя злоупотребленія. Между прочимъ онъ получалъ деньги на содержаніе нѣсколькихъ сотъ лошадей, а когда дошло до справокъ, ихъ оказалось едва ли треть комплекта. Такіе примѣры встрѣчались не рѣдко. Провіантскій чиновникъ Ш...цъ раздавалъ деньги на продовольствіе войска и требовалъ обыкновенно десять процентовъ, говоря, что онъ самъ платитъ болѣе пяти своимъ начальникамъ. Тотъ изъ командировъ, который не соглашался на его требованія, былъ принуждаемъ принимать натурою провіантъ самаго иногда неудовлетворительнаго качества. Когда эти продѣлки дошли до свѣдѣнія Аракчеева, онъ отнялъ у всѣхъ комиссаріатскихъ и провіантскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, на нѣсколько лѣтъ, право носить мундиръ, и испросилъ высочайшее повелѣніе, по которому не принималась отъ нихъ просьба объ увольненіи отъ службы. Но за исключеніемъ этого примѣра, гдѣ обязанность оставаться на службѣ сдѣлалась карательной мѣрою, онъ устранялъ по возможности всѣхъ негодяевъ и лѣнивцевъ. Сухово-Кобылинъ зналъ, между прочимъ, артиллериста К....ва, которому пришлось выходить въ отставку. Онъ былъ человѣкъ честный, но не заботился о службѣ и давалъ скоимъ подчиненнымъ полную волю наживаться на счетъ казны; самъ же онъ былъ исключительно занятъ женскими рукодѣліями: вышивалъ по канвѣ, распускалъ для выжиги серебряные галуны, шилъ даже чепцы, и его издѣлія дошли наконецъ до совершенства.

Въ 1801 г. Аракчеевъ сформировалъ около ста ротъ артиллеріи. Раза по два въ недѣлю чиновники его и фельдъегери объѣзжали командировъ, и каждый долженъ былъ вручить имъ отчетъ въ своей дѣятельности. Аракчеевъ самъ осматривалъ часто роты и, когда былъ въ духѣ, шутилъ съ своими подчиненными, подтрунивалъ надъ ними и даже передразнивалъ иныхъ. Онъ оставлялъ обыкновенно свой экипажъ при первой ротѣ или бригадѣ, которую осматривалъ, а чтобъ переѣхать на осмотръ другой, стоявшей въ сосѣдствѣ, бралъ экипажъ командира и самого командира съ собой, такъ что на осмотрѣ послѣдней находились всѣ командиры. Разъ ему пришлось воспользоваться дрожками одного Ив....а, который управлялъ дѣловымъ дворомъ и по патріархальной простотѣ занималъ рабочихъ фабрикаціей экипажей. Незатѣйливость доморащеннаго изобрѣтенія не могла ускользнуть отъ Аракчеева.

„Какія отличныя дрожки у Ив.... а, господа!, замѣтилъ онъ молодымъ командирамъ, доѣхавшимъ съ нимъ до мѣста новаго осмотра. „Какъ покойны! Вѣрно въ Петербургѣ купилъ; хоть бы мнѣ узнать, у какого мастера: и я бы заказалъ“.

Ив....ъ, чуя бѣду, стоялъ близъ него ни живъ ни мертвъ. И дѣйствительно, не прошло недѣли, какъ чиновникъ Аракчеева производилъ уже слѣдствіе, по которому узналъ, что командиръ заставляетъ круглый годъ своихъ подчиненныхъ на него работать, и Ив.. .ъ былъ отставленъ.

Между полковниками батарейныхъ работъ былъ старикъ Белингсгаузенъ, родомъ изъ Лифляндіи. Аракчеевъ его не долюбливалъ за независимый складъ его характера и довольно смѣлыя его рѣчи, но дорожилъ имъ какъ человѣкомъ дѣльнымъ, всегда исправнымъ въ службѣ и безукоризненной честности, и не смотря на непріязненное къ нему чувство, обращался съ нимъ всегда съ уваженіемъ. „Пусть онъ меня не любитъ“, говорилъ Белингсгаузенъ, „а все же онъ знаетъ, что я передъ нимъ всегда буду правъ“.

Белингсгаузенъ пользовался привязанностью и уваженіемъ не только своихъ подчиненныхъ, но и всѣхъ молодыхъ командировъ, съ которыми былъ знакòмъ. Они его выбрали своимъ совѣтчикомъ, называли его „маткой“, собирались у него часто, чтобы потолковать о дѣлѣ или для дружеской бесѣды, и когда имъ приходилось являться къ графу по долгу службы, они выбирали время, когда „матка“ являлся также къ нему по дѣлу. Всѣмъ было хорошо извѣстно, что Аракчеевъ не только уважалъ, но какъ будто и побаивался этого человѣка и часто смягчалъ свои выговоры и даже приговоры въ его присутствіи.

„Если у тебя что неисправно“, говаривалъ всегда Белингсгаузенъ своей молодежи, „кайся ему скорѣе, а на обманъ не ходи: его не проведешь“.

И точно, случилось разъ, что при осмотрѣ роты Сухово-Кобылина Аракчеевъ спросилъ, запасся ли онъ всѣмъ нужнымъ для предстоящаго похода.

„Не успѣлъ еще“, отвѣчалъ командиръ „деньги поистратились“.

„Вы не играете въ карты?

„Никогда, ваше сіятельство“.

Графъ разспросилъ, куда были употреблены суммы на продовольствіе, и ограничился замѣчаніемъ, что надо ими распоряжаться какъ можно разсчетливѣе, а вскорѣ Сухово-Кобылинъ узналъ, что на его счетъ были наведены справки.

Но не всѣ рѣшались дѣйствовать съ такой откровенностью. Несмотря на совѣты „матки“, командиръ батарейной роты Л....ъ вздумалъ подняться на обманъ. Ждали Аракчеева, а у Л....а не было полнаго комплекта лошадей, и ему пришло въ голову попросить на время лошадей у знакомыхъ ему купцовъ сосѣдняго города. Пріѣзжаетъ Аракчеевъ въ сопровожденіи командировъ осмотрѣнныхъ имъ уже ротъ. Рота Л.....а была послѣдняя. Великолѣпныя лошади бросились въ глаза графу.

„Ну господа“, сказалъ онъ, „я всѣми вами доволенъ, а такими лошадьми никто изъ васъ похвастаться не можетъ. Чтò правда, то правда“.

Когда осмотръ кончился, онъ похвалилъ еще разъ командира и отдалъ, уѣзжая, приказъ о заявленіи ему въ печати особенной благодарности.

„Слава Богу“! говорилъ обрадованный Л....ъ, „сошло съ рукъ!“

„Либо сошло, либо нѣтъ“, отозвался Белингсгаузенъ; ты воображаешь, что его обманулъ, а ну какъ онъ тебя? Таковскій онъ, чтобы не догадаться! Откуда ротному командиру взять такихъ лошадей? Вѣдь иная рублей въ триста. Да и хвалилъ-то онъ не спроста“. „Матка“ былъ правъ: недѣли черезъ двѣ Аракчеевъ назначилъ еще смотръ, и Л.... прибѣгнулъ опять къ необходимости попользоваться тѣми же чужими лошадьми. Осмотрѣвъ роту, графъ приказалъ адъютанту наложить на нихъ казенное клеймо. Бѣдному Л.... у пришлось разсчитываться, какъ онъ зналъ, съ хозяевами лошадей, и кромѣ того онъ былъ вскорѣ смѣненъ.

При Аракчеевѣ находился постоянно въ услуженіи одинъ изъ его крѣпостныхъ, котораго онъ звалъ, неизвѣстно почему, Синицей, и подъ другимъ именемъ никто его не зналъ. Синица всегда стоялъ или сидѣлъ въ дверяхъ пріемной и пользовался особенной довѣренностью своего барина, который любилъ его и былъ очень снисходителенъ къ его слабостямъ. Разъ, въ Шкловѣ, куда была созвана часть нашей арміи, Синица обошелъ артиллеристовъ, *праздравляя* господъ съ своими собственными имянинами и потчуя ихъ кренделями и яблоками, за которыя получалъ, разумѣется, отъ кого пять, отъ кого десять рублей, и забравши свои сокровища, напился мертвецки пьянъ. На другой день командиры явились къ Аракчееву и увидали съ удивленіемъ вывѣшанный на двери листъ бумаги, на которомъ было записано, сколько каждый изъ нихъ далъ наканунѣ имянинику. Принявъ рапорты, Аракчеевъ сказалъ имъ смѣясь: „Прошу васъ, господа, быть въ другой разъ не такъ щедрыми къ Синицѣ. Ему было, разумѣется, очень весело вчера; но мнѣ-то пришлось ужъ очень жутко; хотѣлъ поручить ему дѣло, а онъ лыка не вяжетъ. Когда онъ отрезвился, я велѣлъ ему записать, много ли онъ получилъ отъ каждаго изъ васъ: мнѣ захотѣлось знать, на сколько я кому обязана удовольствіемъ, которымъ мы оба наслаждались вчера“.

Т. Толычова.

*

Случилось Аракчееву заболѣть, и онъ не могъ поѣхать на Каменный островъ съ докладомъ къ Государю, а послалъ бумаги съ Клейнмихелемъ. А что же Алексѣй Андреевичъ? спросилъ Александръ Павловичъ.—Графъ сегодня не можетъ.—Ахъ, какъ же быть? Что съ нимъ? Былъ ли докторъ? тревожно повторялъ Государь.—Успокойтесь, Ваше Величество: графъ слегка простудился.—Ты не понимаешь, что такое для меня Аракчеевъ, замѣтилъ Государь. Все что дѣлается дурнаго, онъ беретъ на себя; все хорошее приписываетъ мнѣ.

Сила Аракчеева была такъ велика, что даже императрица Марія Ѳеодоровна собиралась къ нему въ Грузино, и великіе князья боялись его взысканій. П. Б.